

Соловьянов Николай Иванович

ХРИСТИАНСТВО И РИМСКАЯ АРМИЯ ВО II-III ВВ.

Данная работа является репликой на материалы статей, появившихся во втором десятилетии XXI века на страницах Интернета и в сборниках исторических конференций в ходе дискуссии о присутствии христиан в римской армии во II-III вв. По мнению автора, массовое проникновение христиан в римскую армию до начала IV в. было нереально в силу римских традиций. Исключением могли быть племенные ополченцы германов и симмахитов, возглавляемые своими племенными вождями, среди которых могли быть рано христианизированные по арианскому образцу ост- и вестготы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/44.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 2. С. 168-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 937.07

Исторические науки и археология

Данная работа является репликой на материалы статей, появившихся во втором десятилетии XXI века на страницах Интернета и в сборниках исторических конференций в ходе дискуссии о присутствии христиан в римской армии во II-III вв. По мнению автора, массовое проникновение христиан в римскую армию до начала IV в. было нереально в силу римских традиций. Исключением могли быть племенные ополченцы нумеров и симмахиарий, возглавляемые своими племенными вождями, среди которых могли быть рано христианизированные по арианскому образцу ост- и вестготы.

Ключевые слова и фразы: религия римской армии; нумеры; симмахиарии; христианство; гонения на христиан; римская религия; римская армия.

Соловьянов Николай Иванович, к.и.н., доцент

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева

nikolai_solovyanov@mail.ru

ХРИСТИАНСТВО И РИМСКАЯ АРМИЯ ВО II-III ВВ.

Вопрос об отношении христиан к службе в римской армии впервые был поднят немецким ученым А. Гарнаком. В 1905 г. он опубликовал исследование «Воины Христа. Христианская религия и солдатская служба в первые три столетия» [15]. Далее работа над темой была продолжена нашим соотечественником – рязанским исследователем, прошедшим стажировку в Германии, А. Карышевым. В 1914 г. он опубликовал реферат «Отношение христиан первых трех веков к военной службе (до Константина Великого)», в котором утверждал, что христиане относились к военной службе отрицательно [6, с. 12]. В 1977 г. к этой проблеме обратился Джон Хелгеланд. Ему принадлежит исследование «Христиане и римская армия от Марка Аврелия до Константина». Тщательный анализ нарративных источников позволил автору выявить лишь пять неоспоримых случаев присутствия христиан в римской армии, относящихся к концу II – началу IV в. н.э. [16].

Итальянский историк Амброджио Донини отмечал, что косвенно на отрицательное отношение христиан к военной службе указывают гонения на них. До сер. III в. эти гонения носили локальный характер и имели место лишь в приграничных районах Империи, в местах боевых действий или прилегающих к ним территориях и были вызваны отказом христиан выполнять повинности в пользу армии, то есть они не носили идеологического характера. Это не были преследования за веру. Лишь со времени императора Деция (эдикт 250 г.) гонения приобретают общегосударственный характер [4, с. 263]. Но и в этом случае их нельзя признать целенаправленно идеологическими. Общеизвестно, что язычеству не присуща религиозная нетерпимость. Все древние цивилизации, начиная с шумеро-вавилонской, имели четкую внешнеполитическую установку: воевать можно только с людьми (т.е. равными и подобными себе), с богами воевать нельзя. Римляне знали и свято чтили эти традиции предшественников, поэтому важную роль в формировании римского пантеона играл обряд *evocatio deorum* (закливание богов).

Перед началом войны разведчики, большей частью торговцы, узнавали, каким богам, с какими мольбами и дарами поклоняются их будущие противники, и старались переманить этих божеств на свою сторону, многократно увеличив подношения, после чего боги неприятеля торжественными заклинаниями вызывались из стана врага, а противники предавались проклятию. Только после совершения этих обрядов римляне были уверены, что в войне с врагами, лишеными божественной поддержки и защиты, их ждет легкая победа. Более того, римляне даровали свободу рабам той страны, на которую собирались напасть, субсидировали их на покупку участка земли на хоре Рима, т.е. за пределами городской ежегодно опахиваемой арвальскими братьями полосы (черты). После этого жрец-фециал вонзал в «чужеземные владения» копье с серебряным наконечником (священное оружие Марса) в знак объявления войны. До противника эту весть должны были донести освобожденные рабы. Став побогаче, а в конце II в. до н.э. и «господами мира», они поступали проще: захватывали и перевозили в Город (читай – *Urbs = Roma*) жрецов и священные реликвии иноземных богов, строили им храмы по образцам их Родины.

К концу республиканского, а точнее полисного периода, количество богов и священных духов не поддавалось исчислению, но у каждого был ублажающий его потребности служитель, иначе – беда: голодный небо- или подземный житель будет мстить, требуя к себе внимания. Легенды гласят, что в ларарии Септимия Севера находились даже изображения Христа или, может быть, непонятого для римлян единого Бога-Спасителя иудеев Ягве. Поэтому император Деций I, точнее Гай Мессий Квинт Траян (249-251 гг.), был искренне уверен, что причина бедственного положения Отечества кроется в непочтительном отношении к богам, всем без исключения. Его эдикт обязывал свободнорожденных граждан державы справками, выдаваемыми жрецами, подтверждать участие в религиозных церемониях (молебнах, жертвоприношениях, шествиях, пиршествах, строительстве храмов, установке алтарей, статуй, в том числе и ему, как Императору и Отцу Отечества). Для истинных христиан это было идолопоклонничеством и святотатством. Они не участвовали, справок не получали и априори провозглашались виновниками всех бед, обрушившихся на Римскую империю наряду со всем остальным сбродом.

А. Д. Пантелеев отмечает, что к концу II в. существовало определенное число христиан-военных; не стоит преувеличивать их количество, но то, что они существовали – несомненно, так как ранние христианские авторы, находившиеся в рамках Церкви, якобы спокойно относились к воинской службе, не видя в этом какой бы то ни было проблемы. Основанием для беспокойства являлась лишь возможность идолопоклонства – отступничества от христианства, осознанного или неосознанного [10], т.е. почему бы им не быть, раз Отцы Церкви это не запрещали, а лишь немного опасались.

Не избежали подобных рассуждений и некоторые другие исследователи рубежа XX-XXI вв. [18], построившие свои гипотезы на придуманных Тертуллианом для полемики с предполагаемыми оппонентами эпизодах. Они подходят к проблеме с позиций менталитета современных христиан: почему бы им не послужить ненавистному Отечеству за деньги, ведь легионеры, а еще более ветераны и не только легионов, но и строевых вспомогательных частей (ауксиларии), являлись в эпоху Империи одними из самых обеспеченных и уважаемых граждан государства.

У римлян, а тем более профессиональных и потомственных, всецело преданных идее величия Рима и Императора солдат и офицеров, главной опоры Империи – армии, существовал особый менталитет. Могла ли веками отработанная в военном и идеологическом (читай – религиозном) плане римская военная машина допустить в свои ряды деклассированных и идеологически чуждых оборванцев, ведь богатые христиане вряд ли мечтали видеть своих отпрысков с оружием в руках в качестве жертвенных животных Марса, каковыми считались римские легионеры? Да и служба длилась не год – полтора, а 25 и более лет. К тому же, как утверждает Дж. Хелгеланд, религия римской армии имела строгую регламентацию и была направлена не на перевоспитание иноплеменников, а на решение внутренних задач армии, идеологическую подготовку воинов, воспитание идеального солдата, дисциплинированного, бесстрашного, преданного Риму и Императору [17]. Вряд ли в этой идеологической машине могло найтись место для богочеловека Иисуса Христа.

Важным аспектом в решении любой исследовательской задачи является наличие достоверной источниковой базы. Зачастую молодые ученые строят свои концепции на ярких, но единичных, описанных в нарративных источниках исторических эпизодах, а не на массовых и не вызывающих сомнений в их достоверности эпиграфических материалах, дошедших до нас в оригинале, а не в сомнительных средневековых списках тысячелетней давности. Именно в некритическом отношении к историческим источникам я вижу причину, мягко выражаясь, сомнительных концептуальных утверждений А. В. Колобова, К. В. Дрязгунова и А. Д. Пантелеева, построивших свои гипотезы на придуманных Тертуллианом для полемики с оппонентами эпизодах.

Не могло быть победных молебнов христиан легиона XII Молниеносного во время битвы, так как за неучастие в сражении даже одной контубернии (живших в одной палатке 8 легионеров) легион должны были подвергнуть децимации (казни каждого десятого). К тому же молебны и гадания совершались от имени всей армии главнокомандующими, т.е. императорами или их легатами, накануне сражения.

То же и с отказом легионера-христианина принять императорскую донативу в виде серебряного венка во время присяги, что привело якобы к мученической смерти за веру [13, с. 259-260, 267]. Языческие религии не преследуют инакомыслящих. У всех известных нам древних народов и особенно у римлян мы наблюдаем отсутствие религиозной нетерпимости, характерной лишь для мировых религий, особенно для христиан. Ну никак эти вымышленные Тертуллианом эпизоды не могут свидетельствовать о массовом присутствии христиан в римских легионах не только во II в., но даже и в III в. Да и христианская символика появляется на вооружении римских воинов не ранее 312 г. Опять же попасть в легион с улицы, погнавшись за легкими деньгами, не будучи римским гражданином по рождению, особенно до эдикта Каракаллы от 212 г., скрыв свое происхождение от следователей пробацио, означало только одно – смертную казнь. Существующее, довольно расхожее мнение, что, начиная с реформ Мария, в римскую армию набирали кого попало, совершенно неверно.

Добровольцами в армию главным образом шли сыновья ветеранов. Но перед тем как приступить к воинским обязанностям, даже они подвергались проверке: новобранцы сообщали свои имена, год рождения и особые приметы. Все это было обязательным. Устанавливалось их гражданское состояние: не только рабы, но и дети людей позорных профессий (например, содержателей непотребных домов, гладиаторов) не допускались к службе в армии [11, кн. X, гл. 30, предл. 2].

Как и во времена республики, военная служба была долгом и привилегией римского гражданина. Легионы составлялись целиком из римских граждан. Во флоте и пожарных командах могли служить и отпущенники, но рабов в солдаты не брали [1, с. 334].

Немалое значение играло и сословие, из которого происходил будущий легионер. Тем более что, по подсчетам исследователей, для пополнения 26 легионов ежегодно требовалось не так уж много новобранцев – всего около 6 тыс. абсолютно здоровых физически и морально преданных идее «Римского мифа» и Императору 17-20-летних юношей. В эпоху ранней Империи римляне ни разу не прибегали к принудительному набору в легионы. Хватало добровольцев. Раба, скрывавшего свое происхождение и пробравшегося в солдаты, казнили [11, кн. X, гл. 29, предл. 1].

Римская армия, ставшая профессиональной в конце Республики, никогда, даже в IV в., не была наемной. С эпохи Августа даже ауксиларии стали строевыми и по подбору личного состава, вооружению и боеспособности практически не уступали легионам [12, с. 123]. Исключение составляли племенные ополченцы: нумеры и симмахиари, экипированные и вооруженные традиционной амуницией и возглавляемые своими племенными вождями. Не исключаю, что среди них могли быть рано христианизированные по арианскому образцу ост- и вестготы, с конца II в. нанимавшиеся на пограничную службу в Империю в качестве федератов.

За столетие исследований религии римской армии обнаружено лишь несколько эпиграфических памятников, которые указывают на присутствие христиан в частях римской армии до конца III в. Все они надгробные, а потому не совсем ясно, были ли воины христианами в период службы или приняли христианство позднее, а может быть, христианская символика на памятнике – пожелание родственникам. Все памятники датируются рубежом III–IV вв.

Например:

1. (Христианский крест) Бурайдон воин нумера, военный стрелок из Регнума прожил в миру 40 лет, воевал 22 года. Спи спокойно [14, № 2811].

2. (Христианский крест) Памяти Флавия Зиперия трибуна нумера счастливый военный препозит светлый умерший, в миру член трибунала Руга 12 лет [Ibidem, № 2790].

3. (Монограмма Христа с нехарактерными для греческой эпиграфики лигатурами от А до Ω). Доброй Памяти. Дердий бывший военный трибун... сделал для себя и супруги [Ibidem, № 2789].

Таким образом, не может быть и речи о массовом присутствии христиан в строевых частях римской армии не только во II в., но и в III в., т.е. до религиозных реформ столь любимого Отцами Церкви императора Константина Великого. Это обстоятельство вполне объяснимо.

Прежде всего, следует учесть, что отношение к христианской религии до конца III в. оставалось частным делом ее жителей, в том числе и императоров, и она не имела широкой популярности в среде полноправных римских граждан. Я. А. Ленцман, ссылаясь на подсчеты Гарнака [8, с. 254], отмечал, что в начале IV в. христиане вряд ли составляли более 10–15% населения римской державы. Соответственно, количество христиан во II–III вв. было значительно меньше. Н. И. Голубцова, посвятившая проблемам распространения христианства отдельную главу своей монографии, пришла к выводу, что христианство ранее всего и более всего распространилось в восточных провинциях Римской империи, откуда оно проникло в Рим и западные провинции. Однако до начала IV в. в Северной Италии, Испании, Британии, Германии, Дунайских областях оно заметной роли не играло. Христианская религия имела успех лишь среди граждан, выходцев из восточных провинций, главным образом греков. Так, например, в Риме до середины III в. христианская община была греческой. Христианские авторы писали на греческом языке. Христиан было много лишь в крупных городах, расположенных на морском побережье [3, с. 123], где римских войск практически не было.

Е. С. Голубцова в своей монографии, посвященной идеологии сельского населения Малой Азии, также утверждает, что в I–III вв. христианство не было воспринято общиной, в целом не отказавшейся от своих исконных богов-покровителей. Это, с ее точки зрения, доказывает тот факт, «что из всех христианских надписей ни одна не поставлена от имени общины. Все известные надписи, – “индивидуальные”, поставлены либо одним каким-то человеком, либо членами одной семьи» [2, с. 282–283]. А ведь именно сельское население с сер. II в. (с реформ Антонина Пия) служило основным поставщиком рекрутов для римской императорской армии. Слово «паганый» (от лат. *paganus* – житель сельского округа) стало у христиан нарицательным для обозначения приверженцев старых, языческих культов.

С другой стороны, христиане отрицательно относились к службе в римской армии, являвшейся оплотом «великой блудницы» – Римской империи. К тому же обязательное публичное отдание почестей легионным святыням ассоциировалось с идолопоклонничеством.

Список литературы

1. **Вегетий Ренат Флавий.** Краткое изложение военного дела / пер. С. П. Кондратьева // Флавий Вегетий Ренат. Греческие полиоркетики. СПб., 1996. С. 323–351.
2. **Голубцова Е. С.** Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв. М.: Наука, 1977. 310 с.
3. **Голубцова Н. И.** У истоков христианской церкви. М.: Наука, 1967. 144 с.
4. **Донини А.** У истоков христианства (от зарождения до Юстиниана) / пер. с ит. И. И. Кравченко. М.: Наука, 1979. 268 с.
5. **Дрязгунов К. В.** К проблеме распространения христианства в Римской армии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t64568.html> (дата обращения: 05.05.2009).
6. **Карышев А.** Отношение христиан первых трех веков к военной службе (до Константина Великого). Рязань, 1914. 18 с.
7. **Колобов А. В.** Римская армия и христианство (II – начало IV в. н.э.) [Электронный ресурс]. URL: <http://kidm-psu08.ucoz.ru/publ/8-1-0-15> (дата обращения: 05.05.2009).
8. **Ленцман Я. А.** Происхождение христианства. М.: АН СССР, 1960. 267 с.
9. **Пантелеев А. Д.** Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 2004. Вып. 3. С. 417–428.
10. **Плиний Младший.** Письма: кн. I–X / изд. подгот. М. Е. Сергеевко, А. И. Доватур. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1982. 187 с.
11. **Рубцов С. М.** Легионы Рима на Нижнем Дунае: военная история римско-дакийских войн (конец I – начало II в. н.э.). СПб., 2003. 247 с.
12. **Тертуллиан Квинт Септимий Флорент.** Об идолопоклонстве // Тертуллиан Квинт Септимий Флорент. Избранные сочинения / пер. с лат.; общ. ред. и сост. А. А. Столярова. М.: Изд. группа «Прогресс»; Культура, 1994. С. 249–270.
13. **Desau H.** Inscriptiones Latinae selectae. Ed. 2. Berolini, 1954–1955. Vol. I–III.
14. **Harnak A.** Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen, 1905. 304 S.
15. **Helgeland J.** Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II. Principat. Berlin – N. Y., 1977. Bd. 15. S. 724–834.
16. **Helgeland J.** Roman Army Religion // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. II. Principat. Berlin – N. Y., 1977. Bd. 15. S. 1470–1505.
17. **Wypustek-Krzyzowski A.** Chrzciscjane a armia rzymska – “De corona militis” Tertuliana // Pod znakami Aresa i Marsa / red. E. Dabrowa. Krakow, 1995. S. 137–151.

CHRISTIANITY AND THE ROMAN ARMY IN THE II-III CENTURIES

Solov'yanov Nikolai Ivanovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
nikolai_solovyanov@mail.ru

This work is a retort to the materials of the articles that appeared in the second decade of the XXI century over the Internet and in the collections of historical conferences during the debate about the presence of Christians in the Roman army in the II-III centuries. According to the author, the massive penetration of Christians into the Roman army before the beginning of the IV century was impossible due to Roman traditions. An exception might be the tribal militiamen of numery and simmahiary headed by their tribal chiefs, among whom Ostro- and Visigoths early Christianized by the Arian model could be.

Key words and phrases: religion of the Roman army; numery; simmahiary; Christianity; persecution of Christians; Roman religion; Roman army.

УДК 78.01-78.02

Искусствоведение

В статье определяются свойства «витражного мышления», характерного для творчества французского композитора Оливье Мессиана. Выявление особенностей и синестетической основы мышления композитора производится посредством рассмотрения его «витражного мышления» в общей системе различных видов мыслительной деятельности. На примере одного из произведений композитора – «Хронохромия» – аргументируются синестетическая природа «витражного мышления» О. Мессиана и его органичность для творчества французского композитора.

Ключевые слова и фразы: «витражное мышление»; виды мышления; Оливье Мессиаан; «Хронохромия»; синестезия.

Старикова Елена Николаевна

Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
tosha.starickov@yandex.ru

«ВИТРАЖНОЕ МЫШЛЕНИЕ» ОЛИВЬЕ МЕССИАНА

Творчество французского композитора Оливье Мессиана представлено широким спектром различных жанров, тем и музыкально-образных особенностей. В числе последних можно назвать обращение к пению птиц и григорианскому хоралу (связанному с католическими мотивами, создающими христианско-религиозное наполнение в произведениях композитора). Кроме того, особенно важным является синестетическое видение музыки О. Мессианом (композитор обладал, как он сам признавался, «цветным слухом») ¹. Его цветовые ощущения начали формироваться в детские годы и основаны на впечатлении от сияния католических витражей. Это дает основание говорить об особом характере синестезий Оливье Мессиана, сформировавшихся на основе тесной связи их с католическими витражами, фактурой драгоценных камней, и о «витражности», как отличительной черте синестетического мышления композитора ².

Для понимания особенностей мышления О. Мессиана необходимо рассмотреть его в общей системе различных видов мыслительной деятельности. Проблема мышления человека является сложной, активно разрабатываемой в различных, как гуманитарных (прежде всего в психологии и философии), так и естественных (физиология, нейрофизиология), науках.

Разные взгляды на природу и специфику человеческого мышления высказывали ещё древнегреческие философы. Так, Платон, например, отождествлял мышление и речь, Аристотель, соглашаясь с позицией Платона, относил способность мыслить к компетенции ума, к бессмертной «мыслящей части» души. Вслед за Аристотелем свойством «разумной души» называл мышление Р. Декарт. Представители эпохи Просвещения акцентировали своё внимание больше на материалистических (Т. Гоббс) и логических (Г. Лейбниц, Дж. Буль) основах мышления, подчёркивая ту или иную мировоззренческую принадлежность.

В психологии существуют различные подходы к классификации мышления. Его принято делить на наглядно-действенное, наглядно-образное и словесно-логическое виды мышления. Ко второму из этих типов мышления, оперирующему зрительными, слуховыми, двигательными образами, относят такие виды, как визуальное мышление и пространственное.

В крупном плане, что видно из приведённой классификации, мышление делится на две основные группы. К первой группе относят абстрактно-логическое, или вербально-логическое (его также обозначают

¹ «Цветной слух», или синопсия, – одно из проявлений синестезии. Синестезия (*synaesthesia* – соощущение) – межчувственные связи в психике и синестетичность как системное свойство формирования образного строя различных искусств являются специфическим проявлением невербального мышления, возникающим на пересечении различных чувственных модальностей (слуховой, визуальной, тактильно-кинестетической) [4].

² Впервые о витражности в творчестве О. Мессиана написала К. Л. Мелик-Пашаева [9].